

фантастическая
история

Книги Александра Сапарова
в серии «Фантастическая История»

НАЗАД В ЮНОСТЬ
ЦАРЕВ ВРАЧ, ИЛИ КОГДА СКАЛЬПЕЛЬ СИЛЬНЕЕ КЛИНКА

МОСКВА, 2014

фантастическая
история

Александр Сапаров

Царев врач,
или Когда скальпель
сильнее клинка

€ ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛЬФА-КНИГА

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
С19

Серия основана в 2010 году
Выпуск 92

Сапаров А.

С19 Царев врач, или Когда скальпель сильнее клинка: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2014. — 280 с.: ил. — (Фантастическая История).

ISBN 978-5-9922-1719-3

Пластический хирург, успешный и богатый человек, холостяк, привыкший думать только о себе и своих желаниях, попадает в другое время, и внезапно для него меняется абсолютно все. Его сознание неведомым образом переносится на четыреста лет назад и вселяется в подростка, живущего с бабушкой-травницей в землянке вдали от людей. Но дух нашего современника заставляет его выбраться из лесной глуши и, используя новые знания, подниматься к вершинам власти.

**УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5**

ISBN 978-5-9922-1719-3

© Александр Сапаров, 2014
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2014

Мне снился сон: я на рыбалке сидел в лодке, которую качали большие волны — так, что меня даже подбрасывало на сиденье. И вдруг огромная волна перекатила через борт и облила меня холодной водой. Это было так реально, что я проснулся.

В полутемной комнатке стояла духота, пахло землей, я лежал на каких-то мокрых шкурах, а около меня стояла баба-яга с деревянным ковшиком в руках.

— Данька! — орала она хриплым басом. — Хватит придурничать, давай вставай, я ведь вижу, что притворяешься.

— Простите, а вы кто и как я здесь оказался? — пытаюсь сохранить присутствие духа, спросил я.

— Да ты опять за свои проказы! — Бабка схватила веник, стоявший в углу, и начала бить меня по худым тощим ногам.

— Что за ерунда. — Я вскочил с постели и начал убежать от сумасшедшей старухи, одновременно разглядывая себя.

Действительно, мои ноги оказались тощими, собственно, как и руки. И говорил я с бабкой каким-то писклявым голоском.

Пара минут бега от веника по тесной комнатке, заставленной всевозможной утварью, привела меня в себя, и я завопил:

— Все, все, бабушка, я проснулся, сон мне плохой приснился.

— Сон, говоришь? — Бабка опустила веник. — Ну, расскажи.

Я начал рассказывать сон про рыбалку, одновременно пытаюсь получше разглядеть себя и окружающую обстановку. Мы находились в землянке, которая представляла собой выкопанную в земле яму. Потолком служили толстые горбатые суки, на которые были набросаны шкуры. В одной из шкур виднелось небольшое отверстие, в которое струился дневной свет. На сучках висели пучки сушеных трав, от которых шел пряный аромат.

Бабка внимательно слушала мой рассказ.

— Чудны дела твои, Господи, — прокомментировала она. — Ты ведь, Данька, здесь, в лесу, вырос и воды, кроме нашей речушки, не видел и лодки тоже. Как же тебе сон такой приснился? А какая лодка-то была?

Отвечая на бабкины вопросы, я потихоньку приходил в себя. Хотя, наверное, несколько минут назад мог сойти с ума.

Действительно, заснуть у себя дома в уютной кровати, в роскошной спальне, которую может себе позволить пластический хирург, успешный и достаточно известный, — и проснуться непонятно где да еще непонятно кем. Похоже, я находился не в своем теле, а в теле подростка, не отличавшегося хорошим физическим развитием.

Содержание прочитанных книжек про попаданцев мгновенно всплыло в голове.

«Так что? Еще и в прошлое, наверное, провалился?» — обреченно подумал я.

— Ох, непростой сон тебе приснился, Данюш-

ка, — снова заговорила старуха. — Что-то случиться вскоре должно.

«Случиться? Уже случилось! Я здесь очутился!» — почти в рифму подумал я.

— Бабушка, что-то мне действительно нехорошо, беспмятство какое-то приключилось, вот кажется, что забыл я все — кто есть кто и откуда, и даже кто такая ты, тоже забыл.

— Ох, грехи наши тяжкие! — запричитала бабка. — Что же, милый, с тобой случилось, лихманка какая одолела? Я твоя бабка Марфа, неужто забыл? Мы с тобой здесь который год вдвоем горюем.

— Бабушка, ты только не сердчай, я сейчас оденусь, а ты мне расскажи побольше, может, голова прояснится и дальше я все сам вспомню.

Я попытался одеться, кое-как натянул драные штаны, затем обернул ноги портянками, лежавшими у топчана, и надел лапти.

Бабка, рассказывавшая мне, кто есть кто и откуда, изумленно расширила глаза, когда поняла, что я забыл, как надевать лапти.

— Ох, Данька, полежать тебе надо. Наверно, ты вчера перекупался да на солнце нажарился, вот тебя и стукнуло.

— Нет, бабушка, лежать я не буду, а ты давай рассказывай, что там дальше.

Из бабкиных слов я узнал, что мне пятнадцать лет, что три года назад все село, где я жил, вымерло от моровой язвы, бабка Марфа осталась жива только потому, что ютилась на отшибе, в землянке, она была знахаркой, и общество не желало видеть ее в деревне. А когда началась болезнь, бабка и вовсе закрылась, окуривала землянку хвойным дымом два раза в день, а с больными, приходящими к ней, общалась через закрытую дверь. Она знала: в де-

ревне поговаривали, что ее надо сжечь вместе с землянкой, якобы она была виновата во всех смертях, и спасло ее только то, что болезнь распространялась очень быстро: на следующий день уже никому было идти жечь старухину землянку. Когда же через несколько дней бабка Марфа пришла в деревню, живых там не было. Но когда она зашла в наш дом, увидела, что на печке кто-то шевелится. Это был я. Каким-то чудом я выжил, и бабка, усмотрев в этом божественное Провидение, перетащила меня на волокуше к себе домой.

Глядя на бабулю, широкоплечую, ростом, наверное, около метра восьмидесяти, я не сомневался, что она меня могла дотащить, она бы и взрослому мужика сдюжила.

Какой год на дворе, бабка не знала, но сообщила, что правит ныне царь Иван Васильевич. Я никогда не был знатоком истории, но предположил про себя, что это, может быть, Иван Грозный.

— Данька! — вдруг закричала бабка. — Да ты ведь, олух царя небесного, наверно, забыл все, чему я тебя учила.

— А чему ты меня учила, бабушка?

Но бабка, сев на чурку, стоявшую вместо стула, уже горестно захлюпала носом:

— Вот ведь напасть какая, учила бестолковщину, учила, и все прахом пошло, забыл все! Видать, когда купался, башкой о камни треснулся, а мне не сказал! А я думала, что с этого году хоть плохонький, а помощник у меня будет!

— Бабушка, так ты объясни хоть, чему меня учила?

— Да травам, травам учила тебя, дурака!

— Тогда не убивайся так, про травы я все помню.

А как про них не помнить? Когда я учился, в на-

шей стране была мода на траволечение, не обошла она стороной и мой вуз. Тогда мы искали книги, справочники, методы сбора трав и особенности их использования. Любовь к травам осталась у меня на всю жизнь. Конечно, этот метод играл вспомогательную роль в моей дальнейшей практике. Но я про него никогда не забывал и старался пополнять свой багаж знаниями о новых растениях, особенностях их хранения и применения.

Бабка вскочила с чурки и, схватив несколько пучков трав, начала спрашивать:

— Это что? А это когда надо собирать? А как сушить, как заваривать? А когда и сколько принимать?

С каждым ответом у моей бабушки Марфы брови поднимались все выше.

— Даниил... — торжественным тоном возвестила она. — Я поняла, почему ты все забыл. Господь дал тебе знания по траволечению, а взамен забрал все, что ты помнил до этого. Я ведь половины не поняла из того, что ты говорил, да и травы называл, как отец Василий, который меня в молодостиставлял. А ведь не знал ты ничего этого! О-хо-хо, мыслимо ли такое, теперь этот отрок больше своей старой бабки знает! — вскрикнула баба Марфа в полном восторге. — Данилка, давай приберемся здесь, вскоре уже люди начнут приходить.

Мы вдвоем быстро навели порядок, поставили на места все, что я свалил во время своего бега, затем уселись за стол и приступили к трапезе, которая состояла из блинов, испеченных из ржаной муки на большой плоской железяке над очагом, и взвара из сушеных яблок и слив. Когда я ел этот немудреный завтрак, понял, почему Данила такой худой — парню в таком возрасте надо питаться по-

лучше. Мне, честно говоря, эта еда не лезла в рот, но молодое тело просило еще и еще.

После завтрака я выбрался на поверхность и осмотрел место, в котором мне предстояло жить. Землянка была выкопана прямо на высоком берегу маленькой речушки, на которой виднелась запруда из камней. Наверное, сам Данила и сделал ее, чтобы можно было поплавать в речке, так как воды в ней было по колено. На другой стороне речушки простиралось огромное моховое болото. А на нашей шумел светлый сосновый бор, в который прямо от землянки убегала узенькая тропка.

«Неплохое место выбрала старая, — подумал я. — Летом здесь благодать, а вот как зимой тут жить? Ужас один».

Пока я осматривался, на тропке появились две девчонки в длинных до земли сарафанах, закутанные в платки так, что открытыми оставались только глаза.

— Данька! — издали закричали они. — Мы к тебе идем купаться, мамка нас за ягодами отправила, вот посмотри, сколько мы насобирали! В малине оводы такие кусачие, под сарафанами все чешется.

И девчонки тут же, рядом со мной, скинули все свои тряпки и с визгом бросились в прохладную воду. Действительно, оводы покусали их прилично, все ноги и ягодицы были в волдырях.

Девчонки прыгали, визжали, плескались и звали меня.

На шум появилась бабка Марфа, при свете дня она оказалась страшней, чем в землянке. Зубов у нее не было, кроме одного нижнего клыка, который вылезал поверх губы, лицо сморщенное, как печеное яблоко.

Бабка с удивлением уставилась на меня:

— Данька, а ты что не купаешься? Тебя же еще вчера от девок этих было не оттащить! Да уж, крепко тебе память-то отшибло!

— Да, бабушка, мне что-то не хочется в воду лезть, холодно еще, вот попозже можно и окунуться.

— Ну, смотри, дело твое. — И она, повернувшись к девчонкам, заорала: — Я сколько раз вам говорила, охальницы, не трясите грудями перед парнем, за этим сюда ходите? Вот ужо розгами задницы голые разукрашу!

Я смотрел на девчонок, которые после бабкиного крика вылезли из воды, стали торопливо одеваться, и чувствовал, как на это реагирует молодое тело. Еще вчера такие девчонки с только намечающимися очертаниями груди не привлекли бы моего внимания — внимания хирурга, который каждый день видел столько женщин, что иногда ему не хотелось смотреть на них совсем. Но сейчас мой организм реагировал на голые тела совершенно правильно и не спрашивал разрешения у разума.

Девчонки, подобрав свои корзинки, убежали, а бабушка пошла на огород, в котором у нее росли не овощи, а лечебные травы. Присев на землю, она стала пропалывать сорняки. Ее пальцы были искривлены и черны от грязи, вьевшейся в кожу намертво. Глянув на меня, бабка проворчала:

— Уже и сама забыла, что ты ничего не помнишь. Давай-ка живо в лес за хворостом, чтобы на несколько дней наносил. Веревка у дверей висит, а топор вот там воткнут.

Я взял веревку, топор и направился в лес. Валежника вокруг землянки практически не было. Видно, Марфа давно сожгла всю мелочовку. Мне пришлось идти дальше. Когда прошел где-то с пол-

километра, валежника прибавилось. Я стал рубить сосновые сучья, стараясь делать так, чтобы они получались одной длины — легче будет нести. Монотонная работа не отвлекала, и я погрузился в размышления о своем будущем. Каким образом я попал сюда, трудно было даже вообразить. Наверное, это был путь, не предусматривавший возвращения. Но прожить всю жизнь в землянке? Нет, это меня несколько не привлекало. Тогда что же делать?

Я даже не знал, крепостные мы или свободные люди. У Марфы я еще об этом не спрашивал, и к тому же понимал, что в такие времена простому человеку расстаться с жизнью и свободой очень легко.

Сейчас мне всего пятнадцать, хотя в эту суровую эпоху люди взрослеют быстрее, и, может, живи я в деревне, был бы уже женат и делал первых детей.

Знания, которыми я владел, сейчас практически были неприменимы, у меня не имелось ни лекарств, ни инструментов, не говоря уже об аппаратуре. Так что, если я хотел неплохо устроиться в жизни, требовалось стать известным лекарем, но без всего вышеперечисленного это было затруднительно. Из того, что я помнил про времена Грозного, выходило, что в Москве в те годы знать в основном лечили иностранцы, местных врачей просто не было. Имелись разные знахари, одни типа моей бабушки, другие более известные, но все они не были особо уважаемы и полностью зависели от своих нанимателей. Итак, давай-ка ты, новый Даниил, сын Прохора-кузнеца, приступай к лечению местного люда, взрослей и потихоньку начинай приобретать полезные знакомства, чтобы потихоньку вылезти из леса сначала в небольшой горо-

дишко, ну а затем, чем черт не шутит, может, и в Москву...

...Пока я рубил и таскал валежник, прошло часа три, и на тропинке показалась первая клиентка. Закутанная в платок, так же как и пришедшие до этого девчонки, она тенью проскользнула в землянку, откуда сразу послышался громкий голос моей бабушки:

— Манька, ты бы еще позже пришла, вишь, как у тебя щеку раздуло, теперича мазь придется класть на дегте березовом, вонять будешь, как тележное колесо. На вот тебе тусочек с мазилкой, каждый день мажь больное место и тряпкой холщовой перевязывай. С молитвой о здравии все делай, и пройдет твой чирей. Так, а что ты мне тут принесла? Ага, пироги, это хорошо. С чем пироги-то, со щавелем? Ты в следующий раз знай, лучше пироги с творогом неси.

Что говорила Манька, я не слышал, потому что говорила она гораздо тише, чем Марфа.

«Вот так, — подумал я. — Настоящие безденежные отношения, что могут, то и несут. Здесь не разбогатеешь».

Закончив таскать хворост, пока ошивался около речки, нарубил ивовых прутьев для плетения морды, сложил для пробы небольшой лабиринт из камней на песчаной отмели — в надежде, что какая-нибудь дурная рыбина зайдет туда.

До ночи пришло еще три пациента, все женщины, видимо, мужчины побаивались ходить к страшной бабке. Ужин у нас оказался не в пример лучше завтрака (обеда не было вовсе) — вареная требуха и целый каравай черного хлеба, половину которого мы с бабкой смолотили в пятнадцать минут, причем она с единственным зубом ела, пожалуй, быстрее меня. Легли мы, как стемнело. Ста-

руха через пару минут уже храпела, я же ворочался на узком топчане: блохи кусались, как сволочи, хорошо хоть, что не было клопов. Засыпал я с тайной надеждой, что все это сон, и проснулся я снова в своей уютной квартирке в элитном районе Москвы.

Увы, в квартирке я не проснулся, разбудил меня мочевого пузыря. Я в полутьме выбрался наверх. Багровое солнце висело над горизонтом, утро было туманное и сырое. Ежась от холода, зажурчал струйкой по траве и, сделав свои дела, быстро нырнул вниз. Нет, конкретно, мне не нравилось место обитания. Даже не мог представить, что буду жить в землянке зимой, мне казалось, что я умру и не вынесу постоянного пребывания короткими зимними днями в этих тесноте и вони. Как-то данную проблему требовалось решить. Но пока я вновь улегся на топчан и попытался заснуть, что мне вполне удалось. Второй раз меня разбудила бабушка. В дальнем углу уже топился очажок, над ним на палке висел небольшой клепаный котелок, в котором варилась какая-то бурда.

— Данька, вставай, счастье свое проспишь, — бурчала бабушка. — Ну, может, чего вспомнил или приснилось снова что-нибудь.

— Нет, бабуля, ничего я не вспомнил, и снов не видел. Так что, давай, дальше рассказывай, где мы вообще находимся, далеко ли деревня, и почему ты в землянке живешь.

Не переставая делать свои дела, бабка рассказывала мне все по порядку.

Жили мы, оказывается, недалеко от Новгорода, до него надо было пешим ходом добираться неделю. Село же находилось совсем рядом — за сосновым бором, где стояло полтора десятка дворов. Сами крестьяне были свободными, про крепостное

право бабка ничего не знала. Шесть лет назад сельцо после мора практически опустело, а раньше насчитывалось почти пятьдесят дворов. Но потихоньку народу прибывало. Все-таки здесь спокойней, чем в других местах. И сейчас жило в селе около сотни человек. Поэтому желающих лечиться у бабки насчитывалось немного, и существовали мы впроголодь. Как я понял из ее рассказа, личность прежнего владельца тела особым умом не блистала, и теперь бабушка поражалась, как я все сразу схватываю.

— Данила, да ты поумнел за один день, все забыл и поумнел! Вот ведь Господь чудо сотворил. А молитвы ты хоть помнишь? Вчера ведь даже перед едой не прочитал, я уж думала, не буду убогого ругать, но сегодня чтобы выучил все, перед иконой поклоны отобьешь и у Божьей Матери, заступницы нашей, прощения попросишь.

— Бабушка, так я и не против, только подскажи мне молитвы, я быстро запомню. А пока давай, рассказывай дальше, чего еще вокруг интересного есть, почему мы все еще в землянке живем, ведь родительский дом у нас имеется.

— Так, Данюшка, в доме твой дядька с материнской стороны живет, дом-то у вас был один в селе — пятистенок, вот год с мора прошел, дядька и поселился. А меня по-прежнему туда не пускают, говорят, ты одна с внуком живая осталась, так мор дело твоих рук. Хорошо хоть, что новый староста ногами мается и у меня снадобья берет, так и не трогают пока.

Так за разговорами утро прошло, после чего я пошел посмотреть, как сработал мой лабиринт. Оказалось, что неплохо: в его узком конце засели

две небольшие щучки, которых я торжественно принес в землянку.

Бабка была в недоумении.

— Да когда же ты научился, ведь до сего дня ты ни рыбки не поймал.

— Ну, когда-то надо и рыбу научиться ловить, — ответил я и пошел плести морду.

Плел я ее по памяти, прутья расплетались, долго у меня не получалось вообще ничего, но к полудню передо мной лежала моя первая ловушка для рыбы, наверное, эта жуткая плетенка мало походила на произведение мастера, но меня интересовал только один вопрос: станет ли в нее ловиться рыба. Я затолкал морду под берег, где было немного глубже, и понадеялся, что в нее зайдет какая-нибудь глупая рыбешка.

Марфа с интересом наблюдала за мной, ей, похоже, была по нраву моя активность, бабка уже не охала и не спрашивала, откуда я все это узнал.

Я поставил ловушку и снова полез в землянку, мне хотелось выяснить, можно ли ее каким-то образом улучшить, по крайней мере, если придется зимовать, хотелось жить в более или менее приличных условиях.

Землянку выкопали в суглинистом грунте, и стенки ее практически не осыпались, со слов бабушки, весной ее не заливало, значит, берег был достаточно дренирован. Я спросил бабку, есть ли у нее какие-нибудь инструменты. На что она хитро заулыбалась и сказала:

— Ты что думаешь, я же первая в деревне после мора была, и все, что нашлось хорошего у кузнеца, сына моего, сюда перетащила.

И она, кряхтя, сдвинула с места стол, под которым виднелась крышка небольшого люка, сбитая

из грубо отесанных досок, я попытался поднять ее за кожаную петлю, но не смог даже пошевелить.

— Ну-ка отойди, внучок, — сказала бабушка и одной рукой легко подняла крышку.

В небольшом углублении лежали замотанные в тряпки железяки. Сбросив тряпки, я увидел кованую пилу, сверло и два плотницких топора.

— А лопаты железной у тебя нет случайно? — спросил я.

— Так ты дальше-то смотри, — пробурчала бабушка.

И действительно, ниже лежала лопата, она почти ничем не напоминала те, к которым привык, но все же это была лопата и ею можно было копать.

— Бабушка, ведь скоро уже осень, а потом зима. Может, нам, пока время есть, выкопать землянку побольше и крышу переделать? Вот смотри, я тебе покажу как.

И я угольком нарисовал на столе чертеж землянки с накатом из двух рядов бревен.

— Мы в такой землянке зимой мерзнуть не будем, в ней можно дырку сделать для трубы с задвижкой, чтобы дым вытягивало.

— Ну ты, Даня, придумал, у меня и в голове такого не было. А бревен-то сколько надо пилить?

— Так я сейчас измерю, все посчитаю и примерно скажу.

Бабушка смотрела на меня, открыв рот.

— Данька, ты цифирь знаешь?!

— Знаю, бабушка, наверно, Господь вразумил.

— Так, может, он тебя и читать вразумил? На-кася, попробуй. — И она бухнула на стол толстенную, потемневшую от старости книгу в деревянном переплете, застегнутом на крючок.

Когда я снял крючок и открыл книгу, увидел,

что на первой пергаментной странице старым церковнославянским письмом написано: «Травник».

— Так тут вроде «Травник» написано, бабушка, а дальше я не разберу.

Бабка смотрела на меня, вытирая слезы:

— Сподобилась чудо великое в конце жизни увидеть, убогий цифирь сам собой изучил и грамоту одолел. Слава тебе, Господи, я ведь думала, умру и оставлю сироту неприкаянную, будет юродивым ходить по людям.

— Не плачь, бабуля, все хорошо, — сказал я и стал думать, чем точить пилу.

Пациентов сегодня не было, не было и хлеба, но зато у нас имелись две сваренные щуки и фруктовый взвар. А я рассчитывал, что рыба продолжит в мои ловушки заходить.

Следующий день начался с работы, хоть я умел считать и читать, но в дереве не понимал ничего. И вместе с бабушкой ходил и размечал, какие деревья будем пилить. Свалили мы несколько сосен и распилили их на бревна метра по четыре длиной. Я точно помнил длину моей прежней ладони — двадцать сантиметров, теперешняя казалась практически такой же, так что я быстро сделал себе мерную палку примерно на четыре метра. Больше мы в этот день не работали. Я сходил, проверил морду, там кроме двух десятков плотиц оказалось еще несколько раков, которых я тоже прихватил, жалея, что нет пива, с которым этих гигантов прошлого можно было бы употребить. У бабушки в небольшом горшочке имелись остатки то ли барсучьего, то ли медвежьего жира, который она держала для приготовления мазей, и на нем эти плотвички были пожарены — не очень вкусно, но зато питательно.

После обеда к нам привели мужика с жутко распухшей рукой, при взгляде на которую мне сразу стало все ясно — флегмона. Бабушка начала свою песню про деготь, но здесь надо было проводить более радикальное лечение.

— Бабушка, здесь резать надо, — прошептал я ей на ухо.

— Молчи, дурень, сама знаю, — так же тихо ответила она. — Боюсь я, давно не делала, руки дрожат.

— Так давай я разрез сделаю.

Бабка долгим взглядом посмотрела на меня и согласнo кивнула.

— Слышь, Фаддей, надо руку резать, иначе или помрешь, или совсем отрезать придется, — сказала она.

— Ну чего там, давайте, режьте, — промычал уже не очень хорошо соображавший из-за интоксикации мужик.

Бабушка откуда-то достала острый ножик с рукояткой из оленьего рога, которого до сих пор я у нее не видел — нож был острый как бритва. Я протер руку Фаддея тряпицей, нож провел над пламенем очага. Второй рукой мужик схватился за стол, крупные капли пота выступили у него на лбу, он зажмурил глаза, а я быстрым движением разрезал ему предплечье. Из открывшейся раны потекла кровь, смешанная с дурно пахнущим гноем. Бабушка ловким движением вставила в рану тряпку, смоченную в солевом растворе. После чего сверху положила сфагнум, обмотала еще одной тряпкой и снова полила сверху теплой соленой водой из горшка. Фаддей расслабился, шумно выдохнул и осел на чурке.

Но пока мы разговаривали с его сыновьями и

объясняли, что надо делать, он уже пришел в себя и ожившими глазами осматривался вокруг.

— Так мне что, Данька руку резал? Ну, Марфа, хорошего себе помощника вырастила, я ведь даже испугаться не успел, а уже все. Ты уж извини, нечем вас сейчас отблагодарить, завтра вот пришлю Прова, он полмешка ржаной муки принесет нынешнего помола.

— Так ты что же, Фаддей, думаешь, что все уже? Тебе надо будет еще не раз к нам прийти, так что завтра чтобы сам тоже был здесь.

— Да ладно, Марфа, не мельтеши, а то от твоего баса голова гудит, приду я, обещаю. А чего это у вас тут бревна заготовлены, никак избу ставить будешь?

— Да нет, Фаддей, вот внук подбил меня, старую, землянку переделать, пошире соорудить да посуше и крышу потолще, чтобы зимой не мерзнуть.

— Вот оно что... Ну смотри, если у меня все хорошо будет, я сынов вам на пару дней в помощь отправлю, все быстрее дело сделаете.

— Спасибо, Фаддей, на добром слове, а сейчас можешь идти, на сегодня лечение закончили.

Когда мужики ушли, бабушка села на свой топчан и долго смотрела на меня.

— Я уж не знаю, от Господа или от лукавого у тебя умения проснулись, но давай помолимся Богородице, чтобы защитила нас перед Господом, — и, встав рядом, без труда пригнула хилого меня к земле перед иконой Божьей Матери.

Меня всерьез волновала моя физическая немочь, видимо, хроническое недоедание и проживание в темной сырой землянке изрядно подорвали здоровье моего нынешнего тела. Надо было что-то

делать. Поэтому на следующее утро под недоумевающим взглядом бабушки я вылетел на улицу и побежал по тропке в сторону села. Не добежав до первых домов метров триста, повернул назад, прибежав к землянке, сделал обычный комплекс упражнений и пошел на речку умываться.

— Ох, Данька, и выдумщик ты, что опять у тебя стряслось? Бегаешь, как осами покусанный.

— Да ничего не стряслось, покрепче мне надо стать, бабушка, а то вон ты, хоть и старая, а сильнее меня.

— Данька, не смей ты меня. Да здесь сильнее, чем я, до сих пор никого нет. Я по молодости коня на спине носила, — с гордостью сказала бабка Марфа. — Сейчас, конечно, не унесу, но уж козу там или барана запросто. Я твоего деду почему выбрала, он один меня на кулачках побил. Вот, посмотри. — И она показала перебитую ушную раковину. — Видишь, как мне заехал в ухо, аж поломал все. Не знаю, почему ты худаба такая? Твой отец кузнецом был, тоже хмельной лошадь на плечах носил. Ну, раз думаешь, что от рукомашества и дрыгоножества силы прибавится, то давай маши, может, чего и получится.

Моя первая морда, пролежав в воде несколько дней, развалилась, но вторая получилась намного лучше, и по крайней мере рыбой мы с бабушкой были обеспечены. Поэтому можно было целиком посвятить себя стройке. Бревна напилили и на катках притащили к месту постройки. Я, чтобы сильно не мучиться, решил: землянку будем делать одностатную. Пришедшие утром два здоровенных лба, сыновья Фаддея, в момент разметали хилую крышу, сделанную когда-то Марфой, весь скарб вынесли, и мы вчетвером, взявшись за лопаты, расширили котлован почти в два раза. Переночева-

ли с Марфой у костра, а на следующий день приступили к укреплению стенок кольями, переложенными тонкими жердями. После чего соорудили из толстых бревен каркас, на который вплотную уложили тонкий накатник и сверху закидали его лапником. Фаддеевские парни оказались неплохими плотниками и показали мне, как сделать доски, расщепляя бревна железными клиньями, а потом получившиеся пластины выровнять топором. Таким образом, у нас появились доски для дверей. К вечеру мы с бабушкой опять переехали в землянку, которая стала почти в два раза больше. Потолок пах смолой и хвоей. А тамбур с двумя дверями берег нас от ночного холода.

На следующий день мы уже вдвоем продолжили работу, в выкопанной в земле яме размешивали глиняный раствор и заливали им крышу, покрытую еловыми ветками. Работа была очень утомительной, и я после обеда уже еле таскал ноги, но все же к вечеру всю крышу покрыли слоем раствора и таким же раствором сделали отмостку вокруг землянки, так что дождь уже был нам не страшен.

Теперь оставалось только закрыть всю эту красоту дерном, и мы будем готовы к зимовке. В продушину в потолке вставили деревянную трубу с задвижкой, также сколоченную из тесаных досок — для вентиляции и топки очага, который выложили из речных камней. Когда я спросил бабушку, как мы раньше заготавливали дрова, она сказала, что зимой каждый день ходили с санками за хворостом. Меня такая перспектива абсолютно не устраивала, а так как до зимы было еще далеко, мы начали пилить и колоть дрова, а потом складывать их под навес, сделанный из жердей и лапника.

После удачной операции Фаддей быстро поправ-

лялся, и в селе заговорили о «легкой» руке кузнецова сына. В отличие от моей бабушки меня почему-то никто не боялся, когда я заходил в деревню, встречали приветливо, никто не держал фигу и не сплевывал мне вслед, как это обычно случалось с бабушкой.

Вот только деревенские парни смотрели на меня с превосходством, и я понимал, почему — худой и тощий слабосильный мальчишка среди них не котировался. Меня самого это сильно раздражало, и я старался приложить все усилия, чтобы стать сильнее. Мои рыболовные снасти работали без остановки и поставляли нам рыбу в достаточном количестве, так что мы даже начали сушить ее на зиму. Пациенты у нас тоже не переводились, по молчаливому согласию я взял на себя всех хирургических больных, а бабушка в основном занималась наговорами и прочей белибердой. Выдав очередной просительнице «приворотного зелья», она смеялась своим басом и говорила:

— Вот видишь, Данька, какое зелье хорошее, от чего скажу, от того и поможет.

Не верила она в такие зелья абсолютно. Но вот заговоры у нее получались классно. Наши психологи, наверное, и близко не могли представить, как заговаривает, например, зубную боль обычная деревенская старуха, но даже я, когда слушал ее монотонный голос, читающий очередную «мантру», поддавался этому колдовскому воздействию. Все эти передаваемые по наследству ритмы и слова веками вырабатывались поколениями знахарей, а потом были потеряны в наше время научной медицины.

Благодаря болящим у нас имелась мука и кое-какой запас соли. У бабки было несколько кадешек, и скоро они заполнились моченой брусни-

кой, клюквой, грибами. Я договорился с одним из деревенских мужиков, который был кем-то вроде скорняка, и тот за приносимую мной рыбу потихоньку сшил нам с бабушкой тулупчики из порченной овчины, которую более состоятельные крестьяне не брали, да и нам он сшил их только потому, что в деревне крестьяне всё предпочитали делать дома, ни к кому не обращаясь за помощью.

В селе, которое имело очень занимательное название «Голь», была и церквушка, но своего попа не имелось. Приезжал священник редко. В этот день в деревне обычно шла служба, и колокол звонил с раннего утра. Бабушка надевала свой самый приличный наряд, я также наряжался в свои обноски, и мы шли на службу. Слушали попа, вовремя кланялись и, стоя на коленях, бухались лбом об пол. Во время исповеди поп все спрашивал меня, не грешу ли я рукоблудием, не смотрю ли с вожделением на девочек, а также интересовался, чем занимается бабушка, не прибегает ли она в лечении к помощи сатаны. На это я всегда твердил, что мы утро начинаем с молитвы, что у нас в красном углу три иконы, а по святым праздникам даже зажигаем лампадку. Разочарованно выслушав это, попик рассеянно крестил меня и, произнося: «Отпускаю твои грехи, отрок!» — отпускал на все четыре стороны.

Так за хлопотами пришла осень, а за ней и зима. Нашу землянку замело сугробами, мы большую часть времени проводили внутри, наверх выходили только взять дрова да выбросить помой из деревянной кадушки, приспособленной вместо ведра. Когда уже установился хороший снежный покров, я встал на лыжи, которые мне подарил один из пациентов, и отправился ставить петли на зайцев.

Никогда в жизни я не занимался этим и делал все интуитивно. Заячьих троп в лесу виднелись десятки, и, несмотря на мое неумение, зайцы попадались, надо было только прийти раньше, чем лисы или волки, иначе от зайца оставалось только красноватое пятно на снегу. Кроме того, я проводил эксперименты: выпросил в деревне кишки свежееубитого барана, высушил их и попытался нарезать тоненькими полосками, пригодными для хирургического шитья. В маленьком глиняном горшочке у меня хранилось немного хлебного вина, то бишь самогона, в который я опускал получившиеся нити, там же лежали обычная толстая льняная нить и две страшные иголки, за которые мне пришлось отдать не один десяток зайцев.

Ежедневные физические упражнения, ходьба на лыжах и достаточно приличное питание наконец сделали свое дело, я начал поправляться и даже вырос, что с удивлением отметила бабушка:

— Смотри-ка, Данила, да ты уже почти с меня ростом, и мясом вон обростать начал.

Да я и сам чувствовал, что еще недавно слишком тяжелый для меня топор теперь летает, как перышко. И после круга на лыжах не было ни одышки, ни дрожи в коленках.

Зимой к нам практически никто не приходил, лишь изредка кому-то в деревне требовалась помощь, и мы с бабушкой шли туда. За лечение никто ничего не платил, но кормили от пуза. Пока еще у всех имелось и мясо, и зерно. Вот что будет к весне, еще никто не знал.

Наша с бабушкой жизнь резко изменилась в один момент. Мы сидели в теплой землянке, горел тусклый огонек жирового светильника, я слушал

бабкины заговоры, старясь запомнить их ритм и напевность. Неожиданно сверху послышались голоса, двери распахнулись, и к нам спустились двое мужчин, одетых в наряд, похожий на стрелецкий.

— Эй, вы! Ты, что ли, будешь знахарка Марфа?

— Ну я, — ответила басом нисколько не заробевшая бабушка и, встав, нависла головой над низкорослым мужиком.

Тот отшатнулся и уже тоном пониже произнес:

— Так это, ты давай собирайся и внука своо бери. Там медведь боярина нашего порвал, Кирилла Мефодьича, и никого здесь, кроме вас, нету — помочь оказать.

Мы с бабушкой молча собрались, одевшись и взяв все необходимое, вышли наверх. Спустившись вниз по протоптанной от реки тропинке, сели в стоявшие там сани, запряженные тройкой скакунов, и лошади резко рванули вперед. Трое конных с гиканьем и свистом полетели за нами. Через десять минут мы уже были в деревне. Поезд боярина остановился у околицы, в нем было несколько санных кибиток и множество дворни. Сам же боярин находился в доме старосты. Когда мы зашли внутрь и перекрестились на иконы, услышали, как в другой половине дома громко стонет и ругается раненый. Горело несколько восковых свечей, но все равно было темновато, и я попросил зажечь еще несколько. Староста, недовольно покосившись на меня, принес еще пару штук и зажег. Стало немного светлей. Я увидел: на коротком топчане полулежал крупный толстый мужчина. Лица видно не было, его закрывала блестящая внутренней поверхностью в свете свечей кожа скальпа. Я подошел и осмотрел раненого: сзади на его шее ярко выделялись глубокие следы пяти медвежьих когтей, затем шли рваные края раны, там когти медведя,

захватив кожу, начали сдирать скальп с головы, выворачивая и нахлобучивая его на лицо. Я пощупал пульс, тот был частый, но хорошего наполнения, видимо, давление не падало, внутренних кровотечений не было. В это время бабушка развязала тюк, который мы привезли с собой. Слуги молча наблюдали за мной, ожидая, что будет дальше.

Я еще раз внимательно осмотрел внутреннюю поверхность скальпа и голый череп — все было чисто, ни мусоринки, ни хвоинки. Потом взялся за нижний край кожи и одним движением надел скальп обратно на череп. Боярин слегка вскрикнул. Вместо страшной розовой поверхности перед нами возникло лицо мужчины средних лет, явно привыкшего держать в руках власть.

Он с удивлением посмотрел на меня.

— Это что же такое, вы кого привели мне, где знахарка? Федот! Закопаю!

— Кирилл Мефодьевич, так вот и знахарка, и внук ейный, он тоже в этом деле понимает. Народ бает, легкая рука у него.

Боярин с кривой болезненной усмешкой посмотрел на меня:

— Ну что, отрок, как меня врачевать будешь?

Но тут подоспела моя бабка и сказала своим басом:

— Боярин, на-кася, испей вот этого, — потом отпила для начала сама и дала барину стакан, наполненный воняющей валерьянкой жидкостью.

Тот подозрительно обнюхал стакан и сказал:

— Ну-ка, отпей еще раз. Ох, бабка, и страшна же ты ликом!

Бабушка послушно отпила еще раз, после чего боярин, перекрестившись, залпом выпил вонючую микстуру.

Несколько минут спустя он уже засыпал. Я рас-

ставил на столе свои приспособления и несколькими швами пришил скальп в месте разрыва кожи — была надежда, что в эти времена, когда людей еще не избаловали антибиотиками, у раненого вряд ли начнется воспаление. Но вот ранки от медвежьих когтей я со всем старанием обработал остатками самогона.

Сделав свои дела, посмотрел на старшего, которого боярин назвал Федотом.

— Так... вроде мы все сделали, можно бы нас и домой отвезти.

Федот в ответ лишь зло оскалился:

— Ишь какой быстрый выискался, ты лечил, ты за все и ответ держать будешь, если что не так. Эй, парни! Давайте, собираемся в дорогу, а этих под охрану, но вреда не причинять. Пока поспайте с ними бережно.

Ехали мы долго. Видно, любил боярин охоту, далеко забрался в поисках медведей, вот и получил по голове. Мы с бабушкой мерзли в санях, на стоянках нам даже не давали горячего, только кинули несколько высохших пряженцев, наверно испеченных еще перед охотой, и предложили заесть снежком.

Замерзая в санях, я понял, что значит на Руси быть простым человеком: наша с бабушкой жизнь целиком зависела от того, будет ли жить боярин. Если нет, то придется нам умереть страшной смертью. И я дал себе обещание, что, если останусь жив, сделаю все, чтобы выбиться в люди и не зависеть по крайней мере от какого-то мелкого боярина, которого в Москве знают, может, только дьяки, ведущие родословные бояр с рюриковских времен.

Но на следующей остановке к нам, что было удивительно, пришел Федот в сопровождении повара,

нас накормили отварной медвежатиной и предложили горячего сбитня и водки. Вел себя Федот предупредительно, из чего я понял, что пока с боярином все в порядке. После этого мы ехали еще сутки.

Но вот санный поезд въехал в какое-то село, слышались собачий лай, множество голосов, скрип открываемых ворот, сани двинулись во двор и остановились.

Вскоре до нас донеслись охи и ахи, потом дикие женские крики.

«Во как в старину по раненому мужу жены кричали!» — с усмешкой подумал я.

Но вскоре крики смолкли, мы с бабушкой слезли с саней и огляделись.

Мы оказались на обширном дворе, перед большим домом с высоким резным крыльцом, Вокруг стояла суета, распрягали и отводили в конюшню коней, ставили на место сани и кибитки. Подошедший Федот подтолкнул нас в спину:

— Идите наверх, вас сам Кирилл Мефодьич требует.

Какой-то мальчишка, наверно моих лет, повел нас на крыльцо, а затем в небольшую комнату, где на кровати сидел боярин. Две девушки снимали с него сапоги и верхнюю одежду. Рядом с боярином стояла полная женщина с остатками былой красоты на лице и тревожным выражением глаз. Увидев мою бабушку, она вздрогнула, побледнела и, отвернувшись, начала креститься. Девки, видимо, тоже испугались, но продолжали свое дело.

Я про себя подумал: «Все-таки я очень привык за это время к своей новой бабушке, потому как уже не вижу в ее лице ничего ужасного».

У боярина вид был, пожалуй, не лучше, чем у

Марфы: синюшное лицо, нижняя часть лба и веки отекли так, что он едва мог открыть глаза. Уши были почти черными и как-то нелепо торчали в стороны. Но выглядел он достаточно бодрым и сразу потребовал, чтобы мы сказали, как у него пойдут дела дальше.

Я попросил разрешения его осмотреть и положил руку на лоб, потом проверил пульс. Температуры, похоже, не было. Прощупал голову, что было для него достаточно болезненно, — выраженных следов воспаления пока не увидел. Некроза, которого можно было ожидать, тоже не было.

— Кирилл Мефодьевич, пока все идет как надо, но заживать будет долго. Вам еще очень повезло. И швы надо через несколько дней снять, а то могут загнить.

— Хе-хе, а как тебе повезло, парень, — хрипло засмеялся боярин. — Сейчас бы висел на березовом суку вверх ногами и молил о смерти, если бы что не так пошло. Да ладно, не бойсь, я ведь вижу, что старался. В общем, вот тебе мое слово: пока я не поправлюсь, здесь будете, потом отпущу и награжу, чтобы никто не сказал, что боярин Михайлов не по-христиански поступает. А если захотите, возьму вас обоих на службу, будете у меня в лекарях ходить.

Бабка толкнула меня в спину, я вместе с ней встал на колени и смиренно поблагодарил боярина за заботу. Довольный Михайлов отпустил нас, приказав, чтобы ключник поискал, где нам жить.

Началась жизнь в боярском доме, ничего такая жизнь, приятная. Делать мы с бабулей ничего не делали, раз в день посещали боярина, я снял ему швы, а бабушка мазала подсыхающие раны своими мазями, чтобы все быстрее заживало.